

А.В. Прокофьев

Риск и предосторожность в политической этике*

Нормативные критерии оценки общественно значимых решений

Мораль и политика находятся в очень сложных отношениях взаимного отталкивания и взаимного притяжения. Придавая основное значение запретам на применение силы и обмана, формируя у морального субъекта подозрительное отношение к направленному вовне оценочному суждению (суду), требуя от него сосредоточить усилия на своем собственном совершенствовании, мораль неизбежно противопоставляет себя политике, нацеленной на совершенствование институциональных форм совместного существования и немыслимой без суда, принуждения и стратегического сокрытия информации. Однако если учесть основную интенцию всех нравственных императивов (равно уважительное отношение к каждому человеку и вытекающее из него содействие его благу), то моральный субъект вынужден рассматривать политические средства достижения этой цели как важную альтернативу средствам сугубо приватным и как их неизбежное дополнение. Он нуждается в критериях, позволяющих определять большее или меньшее соответствие политических процессов, государственно-правовых институтов, отдельных общественно значимых решений идеалу морали. Это обстоятельство делает оправданным и даже неизбежным выделение ее особой подсистемы – морали публичной или общественной¹. На уровне теоретической рефлексии оно находит выражение в формировании специализированных этиче-

* Статья подготовлена в рамках проекта РНП 2.1.3/1809 «Политическая этика: нормативные основания и формы социальной регуляции», осуществляющегося в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы в 2009–2011 гг.»

ских дисциплин, среди которых центральной является политическая этика. Концептуальное оформление общественной морали осуществляется с помощью понятий «справедливость» и «общественное благо».

Каковы же предлагаемые общественной моралью и исследуемые политической этикой критерии принятия и ретроспективной оценки решений? Первая их группа носит утилитаристский характер. Среди них выделяется строго формализованная методика определения коллективных (общественных) выгод и затрат, активно используемая в современной законодательной и административной практике. Утилитаристский подход предполагает возможность суммирования благосостояния всех членов общества по отношению к ряду альтернативных решений с последующим сравнением получившихся суммарных значений. Наилучшим решением в этой перспективе будет то, приобретение от реализации которого будут в наибольшей степени превосходить потери. При этом потери одних групп и индивидов, принадлежащих к коллективному целому, могут компенсироваться приобретениями других. Масштаб потерь и приобретений часто выражается в денежном эквиваленте. Для определения конкретных показателей благосостояния используются разные способы, в том числе наблюдение за поведением людей и их прямое интервьюирование, касающееся готовности платить за определенные блага или получать компенсацию за их потерю. Моральная обоснованность решения, принимаемого на основе утилитаристских критериев, обеспечивается тем, что благосостояние одного человека имеет в ходе суммирования и подведения баланса такой же вес, как и благосостояние любого другого.

Существует значительное количество практических контекстов, в которых применение более или менее строгого и формализованного утилитаристского подхода вполне соответствует идеям общего блага и справедливости. Однако он не может претендовать на положение единственного критерия моральной оценки общественно значимых решений. Одним из самых существенных его недостатков является отсутствие чувствительности к невосполнимым потерям. Так как он исходит из существования единого эквивалента в сфере потерь и приобретений, то предполагает, что потеря какой-то одной составляющей благосостояния всегда мо-

жет быть компенсирована приобретениями в отношении другой. Например, потеря биологических видов, экосистем, уникальных художественных творений может быть скомпенсирована экономическими преимуществами. Еще одним недостатком данного критерия служит то, что сложение интересов разных людей всегда находится на грани неуважения к тем, кто в итоге несет потери ради большинства. Дж. Ролз провозгласил такое сложение, игнорирующее «различия между личностями», одним из проявлений отношения к другому человеку исключительно как к средству². Крайним выражением этой тенденции является установление в рамках анализа выгод и затрат денежной стоимости потерянной человеческой жизни, что самым радикальным образом расходится с моральным требованием уважения к ней. Таким образом, сохранение равного веса интересов и потребностей членов общества в рамках подведения баланса коллективных потерь и приобретений далеко не всегда является достаточным для того, чтобы реализовать на практике идею фундаментального равенства между людьми.

Очевидные недостатки расчета коллективных потерь и приобретений показывают, что он должен быть дополнен системой индивидуальных прав, выступающих в качестве жестких внешних ограничений как для стремления реализовать частные потребности и интересы, так и для стремления увеличить суммарное благосостояние общества. Если лицо X обладает правом на совершение действия Y (например, на публичное высказывание собственных убеждений или получение денег по векселю), то на других людей и общественные институты ложится обязанность не препятствовать или способствовать совершению этого действия. Тем самым определенный интерес лица X попадет под защиту, его удовлетворение оказывается внешним образом гарантированным. Несмотря на то, что этот интерес имеет эгоистический или просто партикулярный характер, то есть расходится с суммарным интересом общества, лицо X не должно чувствовать смущения и неудобства, настаивая на выполнении обязанностей, позволяющих его удовлетворить³. Хотя понятие права фиксирует строгие и определенные границы допустимого и недопустимого поведения, оно проявляет гораздо большую гибкость в области морального санкционирования принуждения (применения силы), чем понятие морального запрета. Это связано с тем, что в перспективе этики прав в качестве первич-

ной нравственной цели выступает итоговое положение определенного человека, защита его интереса, а не качество действий, которые этому интересу угрожают. Например, для этики прав первична возможность продолжения жизни потенциальным объектом покушения, а не воздержание от убийства потенциальным злодеем. Разрешение проблем, связанных с конфликтом прав покушающегося и жертвы покушения, обеспечивается тем, что человек, нарушивший право другого, рассматривается как лицо, потерявшее какие-то из собственных прав. Оправданное с точки зрения морали принуждение имеет вид, если воспользоваться удачной формулировкой И.Канта, «препятствия препятствию для свободы»⁴. При этом следует иметь в виду, что потеря прав нарушителем чужого права всегда является частичной. Некоторые действия в его отношении заведомо находятся за пределами правомерного препятствия препятствиям свободы, например, внесудебное наказание или пытки.

Итак, в качестве основных нормативных ориентиров общественной морали определились следующие: а) увеличение суммированного интереса членов общества в пределах ограничений, налагаемых совокупностью индивидуальных прав, б) эффективность принуждения, обеспечивающего защиту индивидуального права от действий нарушителей. Однако существуют случаи, в которых применение этой целостной системы целей и ограничений теряет свою моральную оправданность. Таковы ситуации, в которых нарушение прав является единственным способом для предотвращения катастрофического для общества сценария. Необходимость спасти большое количество человеческих жизней выступает в качестве основы для вынужденного пренебрежения правами тех людей, которые не покушались на право другого, или для вынужденного нарушения тех прав, которые вне катастрофической перспективы сохраняются даже за самым злостным и опасным нарушителем. Иными словами, за определенным порогом потенциального вреда некоторые права, их называют также «деонтологическими ограничениями», перестают связывать те центры принятия решений, которые ответственны за общественную безопасность. Последние получают возможность действовать в соответствии с видоизмененной для условий катастрофической ситуации логикой коллективных потерь и приобретений. В современной нормативной этике такая позиция называется «пороговой деонтологией»,

используется также обозначение «концепция меньшего зла»⁵. Под углом зрения «пороговой деонтологии» обсуждаются такие проблемы, как сопутствующие потери гражданских лиц в ходе ведения военных действий, ограничение гражданских прав и свобод в чрезвычайных ситуациях, применение дознавателями физических мер давления в отношении лиц, подозреваемых в террористической деятельности и т. д. Необходимость приостановки некоторых прав в ситуациях, чреватых опасностью катастрофического ущерба, отчасти признана в международных документах, фиксирующих права человека. К примеру, в Европейской конвенции по защите прав и основных свобод человека (1950) содержится статья о допустимости отступления от нормативного содержания конвенции «во время войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации», хотя эта оговорка и не распространяется на такие действия, как применение пыток или лишение человека жизни вне правомерных военных действий и без вынесения смертного приговора судом⁶.

Проблема риска

Решения, принимаемые в соответствии с логикой выгод и затрат, как и те, что соответствуют принципу меньшего зла, требуют оценивать не только масштаб коллективных потерь и приобретений от альтернативных действий, но и степень вероятности наступления тех или иных событий. В первом случае имеется в виду вероятность получения выгоды при тех или иных затратах, во втором – вероятность развития катастрофических сценариев, их успешного предотвращения с помощью избранных мер и, наконец, негативных последствий самих мер по предотвращению угрозы. Для прояснения морального статуса этой проблемы оказываются актуальными известное рассуждение Л.Н.Толстого о том, что в случае силовой приостановки агрессии с фатальным для агрессора исходом обороняющийся наверняка причиняет смерть человеку, который еще не причинил и, может быть, не причинит смерть своей жертве, и параллельное ему рассуждение И.Канта о том, что в случае лжи во спасение мы не можем ручаться, что наша ложь спасет, а не убьет объект нашей заботы и попечения⁷. Аргумента-

ция Л.Н.Толстого возвращает нас на уровень а- и антиполитичной морали абсолютных запретов, аргументация И.Канта – к сведению многообразия нормативных критериев общественной морали к соблюдению индивидуальных прав. Однако оба рассуждения актуальны лишь в плане своего заведомо преувеличенного характера, то есть в плане своей софистичности. Они призывают в процессе принятия морально значимых решений рассматривать мир как абсолютно непредсказуемый, вопреки тому, чему нас учит практика взаимодействия с ним. Практика же учит нас, что события имеют разную степень вероятности. И, значит, эта степень должна тщательно учитываться, наряду с другими факторами, определяющими моральную оправданность решения.

Однако включение фактора вероятности в этическое рассуждение – совсем непростая задача. Во-первых, возникает необходимость найти способы, позволяющие приписывать различным результатам наших действий определенные индексы вероятности. В этих целях мы можем опираться исключительно на анализ частоты тех или иных событий в предыдущем опыте или задействовать всю полноту наших знаний и даже обыденных представлений о процессах, создающих угрозу. В последнем случае нам придется установить какое-то начальное распределение вероятности между альтернативными исходами, обобщая имеющиеся в нашем распоряжении данные об оценке этой вероятности экспертами и представителями широкой публики, а затем постоянно корректировать получившееся распределение на основе новой информации, полученной из наблюдений или экспериментов⁸. Однако ни один из этих подходов к приписыванию индексов вероятности будущим событиям не является безупречным. Первый страдает от хронического недостатка необходимых данных и времени для анализа. Кроме того, вероятность, выявляемая на его основе, относится к большим группам объектов или процессов, а не к входящим в них конкретным единицам. Второй подход предполагает слишком большие возможности для воздействия субъективных факторов на итоговые выводы, что грозит принятием решений, которые не будут оптимальными в нравственном отношении.

Во-вторых, требуется преодолеть трудности уже не эпистемологического, а психологического и социокультурного порядка. Некоторые из них касаются самой по себе оценки вероятности

событий. Например, последствия действия всегда представляются более вероятными, чем последствия бездействия⁹. Угрозы, не воплощавшиеся ранее в действительности и обладающие малой вероятностью, рассматриваются как вовсе не вероятные¹⁰. А если одна из таких угроз по каким-то причинам все же начинает вызывать у человека «ощущение небезопасности», то вступает в действие так называемый эффект «пренебрежения различиями в вероятности». Он состоит в том, что единственным критерием оценки значимости такой угрозы оказывается тяжесть ее потенциальных последствий. Нечувствительность к возможности катастрофы легко сменяется неограниченным алармизмом¹¹. Такие установки требуют постоянной коррекции общераспространенных суждений в направлении большей рациональности. Ее могли бы обеспечивать эксперты-ученые, профессионально занимающиеся исследованием различных источников опасности, но у экспертов существуют собственные устойчивые иррациональные установки, их выводы зависят от избранной ролевой позиции, не говоря уже о сознательной и бессознательной политической ангажированности. В целом можно сказать, что мнение экспертов оказывается построено на основе презумпции высокой степени контролируемости опасных процессов и притупления чувствительности к опасностям в связи с постоянным размышлением о них¹². Основным способом выхода из этого трудного положения принято считать взаимодействие профессиональной и гражданской экспертизы.

Другие трудности связаны уже не с установлением вероятности, а с соотношением величины потерь и вероятности их наступления. Какого рода пропорция между этими двумя величинами должна служить основой для принятия решений? Какие уменьшающие коэффициенты задает вероятность того или иного сценария по отношению к сопряженным с ним потерям? Какая степень риска должна рассматриваться принимающими решения лицами в качестве морально оправданного повода для применения тех или иных способов противодействия угрозе? Примечательно, что в этом отношении критиковать интуицию гораздо сложнее, чем в вопросах установления вероятности, поскольку оценка относительной тяжести случаев ущерба, имеющих разную степень вероятности, существенным образом зависит от семантического оформления решаемой проблемы.

Классический эксперимент А.Тверски и Д.Канемана показывает это чрезвычайно ярко. В нем испытуемым предлагается ситуация, в которой необходимо выбрать оптимальную программу противодействия эпидемии редкого инфекционного заболевания, занесенного из Азии. Первая программа ведет к гарантированному выживанию $1/3$ из 600 заразившихся пациентов. Вторая программа ведет к выздоровлению всех пациентов, но с вероятностью в $1/3$. А это значит, что в противном случае, имеющем соответственно вероятность $2/3$, гибнут все 600 заразившихся. При представлении этих программ в категориях спасенных жизней (соотносится число выживших) 78 % респондентов предпочитают не рисковать, при представлении тех же альтернатив в категориях потерянных жизней (соотносится число умерших) 78 % опрошиваемых выбирает рискованную стратегию¹³. Позднейшие исследования показали, что такая тенденция имеет место лишь при обсуждении потерь в больших группах (свыше 120 человек), но отсутствует при обсуждении тех же пропорций вероятности и ущерба в группах малых¹⁴.

Если различия между решениями по поводу малых и больших групп еще можно квалифицировать как простую психологическую aberrацию, требующую поправок со стороны экспертов, то различия, связанные с негативным и позитивным представлением проблем, так рассматриваться уже не могут. Выбор одного из способов представления проблемы не является фактически неправильным или нормативно неоправданным. А.Тверски и Д.Канеман уподобляют его выбору перспективы в случае зрительных иллюзий типа витгенштейновской головы «зайца-утки». Поэтому для подобных случаев необходима не рациональная коррекция интуитивных суждений, а установление во многом произвольных, конвенциональных пропорций ущерба и его вероятности. Возможно, что эту роль могут сыграть те пропорции, которые усредняют степень неприятия риска, проявляемую при негативном и позитивном описании ситуации.

Еще один вид трудностей связан с тем, что и оценка вероятности негативных сценариев, и выбор соотношения вероятности и величины потерь, которое оправдывает то или иное решение, существенно отличаются у людей, имеющих разные целостные мировоззрения (принадлежащих к разным «культурным типам»).

По мнению исследователей, эти мировоззрения формируют не только практическую реакцию на риск, но и сами способности к его восприятию. В рамках теоретического подхода, заложеного антропологом М.Дуглас и политическим философом А.Вильдавски в работе «Риск и культура»¹⁵, было выделено четыре таких мировоззрения и соответствующих им образа жизни: иерархическое, эгалитаристское, индивидуалистическое, солидаристское (коммунитаристское)¹⁶. Принадлежность к ним определяет высокую чувствительность людей к одним видам риска и минимальную к другим. Эмпирические исследования показывают, что ценностно-идеологические границы между культурными типами играют заметно большую роль в восприятии рисков, чем границы между гендерными, возрастными, этническими и религиозными группами. Так представители эгалитаристской и солидаристской (коммунитаристской) культур остро реагируют на экологические риски и готовы санкционировать и нести значительные потери для их уменьшения. В то же время иерархический и индивидуалистический культурные типы не видят в ухудшении условий окружающей среды серьезной опасности. То же положение сохраняется в отношении угрозы применения огнестрельного оружия, находящегося в распоряжении граждан. Однако единый фронт индивидуалистов и иерархистов раскалывается в отношении риска заражения СПИДом и негативных последствий употребления наркотических веществ: они тревожат только представителей иерархического типа. Ни один из этих способов восприятия риска нельзя рассматривать как простое проявление иррациональности. Странники культурного подхода подчеркивают, что, хотя разные «восприятия риска могут быть некорректными со страховой точки зрения, а основанные на них политические стратегии могут соответствовать или не соответствовать общественному интересу, соотносённому с какой-либо метрикой благосостояния... [каждое из них] воплощает согласованное видение наилучшего общества и добродетельной жизни»¹⁷. Данное положение дел требует уже не простого усреднения позиций, как в случае с семантическими трудностями, а создания условий для широкой политической коммуникации представителей разных культурных типов.

За пределами исчислимой вероятности: неопределенность и принцип предосторожности

Внедрение вероятностного фактора в систему моральных критериев принятия решений оказывается особенно сложным в силу того, что моральный субъект имеет дело не только с риском, то есть исчислимой вероятностью негативных последствий своего действия или бездействия, но и с неопределенностью. Последняя имеет место в тех случаях, когда ограниченному количеству известных исходов нельзя приписать какой-то индекс вероятности или этот индекс указывает на широкий промежуток значений, а также в тех случаях, когда количество возможных исходов, обсуждаемых в связи с определенной ситуацией, не может считаться исчерпывающим. В исследовательской литературе используется следующий наглядный пример, иллюстрирующий различия между риском и разными проявлениями неопределенности. Для человека, решившего сыграть в русскую рулетку, риск присутствует в том случае, когда он непосредственно перед началом игры зарядил один патрон в барабан револьвера. В этом случае игрок может точно сказать, что вероятность выжить равна $5/1$. Неопределенность начинается там, где он точно не помнит, сколько именно патронов зарядил в свой револьвер несколько дней назад: один или два. И, наконец, самое яркое выражение неопределенности присутствует там, где игрок пытается воспользоваться чужим револьвером, который может быть заряжен любым образом или не заряжен вовсе¹⁸. Можно усложнить ситуацию, представив, что окружающие люди, опираясь на разную информацию или на различные подходы к интерпретации одной и той же информации, высказывают игроку разные мнения о количестве патронов в барабане. Неопределенность парализует прямолинейные подсчеты выгод и затрат, однако не отменяет необходимости действовать в тех ситуациях, где угрозы остаются неопределенными.

В современной общественно-политической практике и политической этике существует значительный опыт формализации нормативных оснований принятия политических решений в этой сфере. Он относится в основном к регулированию воздействия научно-технической деятельности на окружающую среду и здоровье человека и связан с выдвиганием и практической конкретизацией

принципа предосторожности. Последний закреплен в ряде международных декларативных документов и соглашений по охране окружающей среды. Он предписывает обществу практическую реакцию на те угрозы, вероятность которых служит предметом дискуссий среди экспертов, то есть в отношении которых не сложился сколько-нибудь устойчивый исследовательский консенсус.

В Рио-де-Жанейрской декларации ООН (1992) принцип предосторожности представлен следующим образом: «В целях защиты окружающей среды государства в зависимости от своих возможностей широко применяют принцип принятия мер предосторожности. В тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве предлога или отсрочки принятия эффективных с точки зрения затрат мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды»¹⁹. В другой известной формулировке, содержащейся в заявлении ученых и экологических активистов, участвовавших в Уингспредской конференции (1998), принцип получает иное оформление: «Когда определенная деятельность создает угрозы человеческому здоровью или окружающей среде, должны быть приняты меры предосторожности, даже если некоторые причинно-следственные связи не являются научно полностью установленными. В этом случае сторонник деятельности (а не общественность) должен нести бремя доказательства. Процесс применения принципа предосторожности должен быть открытым, информированным, демократическим и должен включать все затронутые стороны. Он должен также опираться на исследование полного ряда альтернатив, включая бездействие»²⁰.

В экологической политике и политике в сфере здравоохранения принцип предосторожности применяется в ситуациях, носящих разный по своей структуре характер. Во-первых, в отношении научно-технических новаций, которые могут нести значительную угрозу жизни и здоровью человека или целостности экосистем. В этом случае он носит консервативный характер, поскольку накладывает на инициаторов проекта бремя доказательства безопасности предложенной ими инициативы. Деятельность по предотвращению угрозы представляет собой исключительно запретительное регулирование. Образцом является реакция регулирующих инстанций на некоторые начинания генной инженерии

или проекты промышленного освоения территорий с особенно хрупкими экологическими системами. Во-вторых, в отношении уже реализованных проектов и длительно воспроизводящихся практик, отрицательный эффект которых имеет долгосрочный кумулятивный характер или может неожиданно проявиться в сочетании с другими, непредсказуемыми факторами. В этом случае принцип предосторожности имеет реформаторские или даже революционные импликации. Деятельность по предотвращению угрозы требует перестройки практик, осуществляющихся в обычном порядке, и, значит, влечет за собой не только упущенные выгоды, но и прямые потери: снижение доходов, уровня жизни и т. д. и т. п. Бремя доказательства безопасности проекта (практики) ложится на сторонников ведения дел «как обычно». Примерами являются борьба с глобальным изменением климата и движение за уменьшение количества или полный демонтаж атомных электростанций.

Чего же конкретно требует принцип предосторожности в вопросах оценки и учета вероятности? Прежде всего он заставляет нас концентрировать свое внимание на наиболее тяжелых для общества последствиях. Если в их отношении имеет место интервал вероятности, то в соответствии с ним необходимо принимать в качестве основы для выработки решений верхнюю планку такого интервала. В случае невозможности определить таковой следует устанавливать для худших вариантов высокие отправные значения вероятности. В случае неопределенного количества исходов – осуществлять поиск еще неизвестных негативных последствий, даже если это требует значительных дополнительных затрат. Принимая во внимание отсутствие безупречных способов определения вероятности будущих событий, принцип предосторожности требует также методического сомнения в ее оценках, предлагаемых экспертами. Там, где в законодательной и управленческой практике используется понятие «рационально приемлемого риска», принцип предосторожности выражается в радикальном уменьшении значений этого показателя. Данные требования касаются не только оценки масштаба и неизбежности угроз, но и выводов о причинно-следственных механизмах их формирования, которые в значительной мере определяют уровень сегодняшних затрат на предотвращение возможных будущих потерь.

Если соотнести принцип предосторожности с нормативными критериями общественной морали, обрисованными в первом разделе статьи, то можно сделать следующие выводы. Принцип предосторожности отличается от стандартного варианта анализа выгод и затрат. Исследователи часто противопоставляют два этих подхода к принятию решений или рассматривают первый как корректирующее дополнение второго. Однако вне перспективы катастрофических потерь для общества они оказываются в одной и той же классификационной нише, поскольку представляют собой расчет суммарного благосостояния в пределах внешних ограничений, формируемых системой прав. Если же принцип предосторожности применяется к угрозе катастрофических последствий и требует нарушения сложившейся системы прав, то он соответствует логике меньшего зла и выступает как ее модификация для условий большей или меньшей неопределенности в отношении причинно-следственных связей, ведущих к возникновению морально неприемлемого ущерба.

В современной политической практике присутствует тенденция к превращению принципа предосторожности в нормативное основание тех решений, которые не относятся к сфере экологической политики и политики в сфере охраны здоровья граждан. Особенно очевидно эта тенденция присутствовала в политической риторике и практике принятия решений президентской администрации Дж.Буша-младшего. Стремясь нейтрализовать угрозы, связанные с использованием современных военных технологий радикальными политическими силами, руководство США официально провозгласило концепцию «упреждающего реагирования». В «Стратегии национальной безопасности» 2002 г. были закреплены следующие положения: «Руководствуясь здравым смыслом и необходимостью самообороны, Америка будет принимать меры по устранению таких возникающих угроз еще до того, как они полностью оформятся... История сурово осудит тех, кто знал об этой надвигающейся угрозе, но ничего не сделал, чтобы ее предотвратить. С наступлением новой эпохи мир и безопасность могут быть обеспечены только активными действиями... Соединённые Штаты давно уже не исключают возможность принятия упреждающих мер для отражения достаточной угрозы нашей национальной безопасности. Чем серьезней угроза, тем больше опасность без-

действия – и тем больше оснований для принятия упреждающих мер для самозащиты, даже *если сохраняется неопределённость в отношении времени и места нападения противника*. Чтобы не допустить или предотвратить подобные враждебные действия наших противников, Соединённые Штаты будут, при необходимости, принимать упреждающие меры» (курсив мой. – А.П.)²¹.

Одной из версий концепции упреждающей самообороны являлась знаменитая «доктрина одного процента» вице-президента США Р.Чейни, заявившего в ноябре 2001 г.: «Если вероятность того, что пакистанские ученые помогают “Аль-Каиде” создавать или развивать ядерное оружие, составляет хотя бы один процент, то в том, что касается нашего практического отклика, мы должны относиться к этому так, как будто перед нами установленный факт... Я не говорю об анализе и поиске более веских доказательств... Это лишь о нашем практическом отклике»²². Как видим, в данном случае предполагается не только необходимость выбирать самые высокие индексы вероятности негативных сценариев из числа предложенных экспертами, но и установление предельно низкого порога вероятности, за которым вероятностный характер катастрофических угроз попросту не учитывается. Предложение Р.Чейни может быть охарактеризовано как чрезвычайно радикальное понижение приемлемого уровня риска в вопросах национальной безопасности.

В чем же состоят сходства концепции упреждающей самообороны и принципа предосторожности? Можно указать на следующий ряд объединяющих их обстоятельств. Сведения об угрозах, используемые для принятия решений о применении вооруженной силы, в соответствии с концепцией упреждающей самообороны могут быть неполными, фрагментарными, неопределенными. Потенциальный вред от реализации угроз, с которыми она призвана иметь дело, чрезвычайно велик и в определенном смысле необратим. Действия по предотвращению угроз или смягчению их последствий дорогостоящи и требуют вынужденного нарушения прав человека. Там, где имеются возможности переговоров с инициаторами угроз (как это было в случае с началом второй войны в Персидском заливе), используется презумпция их виновности. Бремя по доказательству отсутствия у них намерений и в особенности возможностей причинить катастрофический ущерб обороняющейся стороне перекладывается на их собственные плечи²³.

Для создателей концепции упреждающей самообороны была характерна уверенность в том, что рассуждение с позиций предосторожности подходит для противостояния международному терроризму, но не оправданно в отношении таких экологических проблем, как глобальное изменение климата, или таких вопросов здравоохранения, как воздействие на человеческий организм генномодифицированных продуктов. Однако данная позиция представляет собой лишь один вариант отклика на проблему принятия общественно значимых решений в условиях неопределенности. Фактически в данном дискуссионном поле может быть сформулировано еще три подхода. Во-первых, принцип предосторожности может получить статус универсального критерия принятия политических решений во всех контекстах, сопряженных с предотвращением катастроф. Во-вторых, он может сохранить свой сегодняшний статус – статус этического принципа экологической политики и политики в сфере охраны здоровья. Наконец, принцип предосторожности может быть признан негодным в любых практических контекстах.

Оставив в стороне мнение о принципиальной негодности самого принципа, требующее специального анализа, обратимся к двум другим²⁴. С моей точки зрения, существуют очень мощные аргументы, препятствующие полноценному применению принципа предосторожности к вопросам использования вооруженной (военной и полицейской) силы. Они же, как следствие, препятствуют его превращению в универсальный критерий принятия политических решений.

Во-первых, ответное или упреждающее применение вооруженной силы является чрезвычайно специфическим способом предотвращения угроз. Оно не просто может создавать новые, дополнительные угрозы или вести к значительным потерям, как это часто происходит при применении принципа предосторожности в сферах экологии и здравоохранения. Оно имеет существенный потенциал интенсификации исходной опасности. В случае с войной против террористических сетей это обстоятельство проявляется особенно ярко. Антитеррористические меры, выступающие в качестве вынужденного нарушения прав, такие как вторжение на территорию суверенных государств, сопровождающееся сопутствующими потерями, внесудебное задержание членов терро-

ристических организаций, зачистки жилых районов, разрушение домов террористов, физическое воздействие на носителей информации о планах террористических групп, дают в руки последних мощный козырь для вербовки новых сторонников и для сохранения верности старых. Каждый решительный шаг войны с террором не только ослабляет, но и усиливает противника, позволяя террористам с уверенностью утверждать, что им есть с кем бороться и что их борьба носит справедливый характер. Если исходить в этом случае из презумпции опасности, неизбежно возникает неконтролируемая спираль обострения конфликта.

Во-вторых, применение силы против агрессора представляет собой не просто практический отклик на перспективу значительных потерь для общества. Это ответ на определенные умышленные действия конкретных лиц и способ пресечения их злонамеренной деятельности. В таких случаях масштаб допустимого причинения ущерба определяется не только возможными потерями потенциальных жертв нападения, но и фактором виновности потенциального агрессора. Если взять в качестве примера ситуацию индивидуальной самообороны, то в ней данное обстоятельство отражается в том, что оправданность действий, причиняющих ущерб нападающему лицу, зависит от наличия или отсутствия непосредственной угрозы нападения. Не исключено, что в случаях, когда существует возможность предотвратить опасность для жизни значительного количества людей, критерий непосредственности угрозы может и должен ослабляться. Однако презумпция неизбежности максимальных потерь, заложенная в нормативной логике принципа предосторожности, представляет собой уже не ослабление, а фактическое устранение этого критерия.

В-третьих, в ходе применения военной и полицейской силы имеют место не просто значительные материальные потери, но и ущемляются наиболее существенные права человека, действие которых может быть приостановлено только в самых крайних случаях. Для сравнения: противостояние экологическим угрозам требует от государств значительных затрат, оно даже может потребовать пересмотра некоторых прав собственности, однако оно не чревато умышленным причинением смерти и увечья или ограничением гражданских свобод чрезвычайным режимом полицейского регулирования. В некоторых случаях у политики экологической

предосторожности также возникают непосредственные жертвы. Например, в случае запрета на производство или импорт генномодифицированных продуктов ими оказываются люди, гибнущие от недоедания, в тех регионах, где сельскохозяйственное производство подорвано природными бедствиями. Однако при этом необходимо иметь в виду, что вынужденное причинение смерти в чрезвычайных обстоятельствах требует гораздо более веских оснований, чем вынужденное неоказание помощи, влекущее за собой гибель людей. Это обстоятельство делает презумпцию опасности в вопросах экологии и охраны здоровья гораздо более оправданной, чем в вопросах применения силы.

В-четвертых, по отношению к применению силы в целях предотвращения военной угрозы едва ли возможно вести речь о научном прогнозировании и научных методах удостоверения причинно-следственных связей. В распоряжении центров принятия решений в этом случае находятся не результаты научных исследований, а разведывательная информация и военно-политическая аналитика. И хотя научная экспертиза также бывает ангажированной, военно-политическая аналитика является таковой изначально и неустранимо. Она очень сильно зависит от ожиданий и запросов руководства, она не включена в процесс соревновательного выдвижения гипотез и не является предметом обсуждения в широком и независимом научном сообществе. При сочетании с презумпцией опасности этот недостаток ведет к чрезвычайной легкости принятия решений о начале военных действий и к возникновению морально неприемлемого ущерба в огромных масштабах.

Наконец, принятие решений о применении военной силы, в особенности в упреждающем режиме и в режиме специальных операций, исключает или сводит к минимуму возможности широкой общественной дискуссии по конкретным решениям. Многие исследователи видят назначение принципа предосторожности именно в том, что он правильным образом ориентирует общественные дискуссии. Другие, менее скептически настроенные специалисты полагают, что общественная дискуссия и демократические процедуры существенным образом смягчают недостатки принципа. Но в любом случае принятие решений о применении военной силы является такой сферой, в которой налицо очевидный дефицит дискуссионности, и он связан не только с временными несовершен-

ствами существующей системы, но и с объективными особенностями устройства общества. Отсюда следует, что принцип предосторожности неизбежно будет приводить в ней к неоправданным в отношении последствий решениям.

Аргументы против переноса нормативной логики принципа предосторожности за пределы сферы экологии, охраны здоровья и контроля над развитием мирных технологий в сферу военной политики и полицейского контроля существенным образом пересекаются с аргументами против превентивных военных действий, выдвинутыми в теории справедливой войны. К примеру, М. Уолцер в работе «Справедливые и несправедливые войны» обсуждает следующие доводы в пользу заведомой и безусловной несправедливости вступления в войну для предотвращения будущих военных угроз. Во-первых, признание моральной допустимости превентивной войны ведет к увеличению общего количества войн, в особенности в условиях крайне подозрительного отношения государств друг к другу. Этот аргумент М. Уолцер воспринимает в качестве вспомогательного. Во-вторых, признание моральной допустимости превентивной войны способствует нормализации применения вооруженной силы в качестве средства достижения политических целей, его превращению в один из нейтральных в нравственном отношении способов управления политическими рисками. Непосредственно словами М. Уолцера – здесь имеет место «недооценка значимости перехода от дипломатии к применению силы». Именно этот аргумент он считает основным²⁵.

Некоторые современные теоретики показывают, что в глобальном мире, где в военных противостояниях участвуют не только государства, но и негосударственные акторы, имеющие широчайшие возможности нанесения катастрофического ущерба своим противникам-государствам, аргументация М. Уолцера превращается из обоснования категорического запрета в обоснование сильных, но всего лишь предположительных (*prima facie*) ограничений²⁶. Со сторонниками такой коррекции теории справедливой войны нельзя не согласиться. Противостояние с противником, располагающим оружием массового поражения, но не имеющим собственной территории или не исходящим из необходимости оберегать собственное население от значительных потерь, не может подчиняться тем же нормативным ограничениям, что и традиционная война государств. Однако

даже скорректированная теория справедливой войны включает одно важное условие, требующееся для нанесения морально оправданного превентивного удара, – высокую и объективно удостоверенную степень уверенности в будущих агрессивных действиях противоположной стороны, например в том, что «страны-изгои» обладают ядерными материалами и готовы их передать террористическим организациям²⁷. Именно это позволяет сторонникам коррекции настаивать на оправданности превентивных военных действий, несмотря на наличие аргументов, представленных М.Уолцером. Отсюда следует, что традиционное отрицание справедливости превентивной войны закрывает саму возможность для обсуждения переноса принципа предосторожности в область применения вооруженной силы, а вполне оправданные попытки ее ограниченной реабилитации запрещают такой перенос в результате уточнения условий справедливых военных действий предупредительного характера.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / Под ред. Р.Г.Апресяна. М., 2009; *Public and Private Morality* / Ed. by S. Hampshire. Cambridge, 1978.
- ² *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 38.
- ³ В этой характеристике задействовано лишь одно из двух ведущих философских пониманий индивидуального права – теория интереса. За скобками осталась ее альтернатива – теория выбора.
- ⁴ *Кант И.* Метафизика нравов // *Кант И.* Соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 255.
- ⁵ Примеры обоснования этой нормативной логики: *Ignatieff M.* The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror. Princeton, 2004; *Moore M.S.* Placing Blame: a General Theory of the Criminal Law. Oxford, 1997; *Nagel T.* Mortal Questions. N.Y., 1979. P. 53–74
- ⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.)// URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-002.htm>.
- ⁷ *Толстой Л.Н.* Закон насилия и закон любви // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 91 т. Т. 37. М., 1956. С. 206–207; *Кант И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия // *Кант И.* Соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1994. С. 58–59.
- ⁸ В теории статистики эти способы определения вероятности принято называть «частотным» и «байесовским».
- ⁹ *Ignatieff M.* The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror. P. 164.
- ¹⁰ *Posner R.A.* Catastrophe: Risk and Response. Oxford, 2004. P. 120–121.
- ¹¹ *Sunstein C.R.* Laws of Fear: Beyond the Precautionary Principle. N.Y., 2005. P. 68, 73–76.

- 12 См.: *Sjöberg L.* Risk Perception by the Public and by Experts: A Dilemma in Risk Management // *Human Ecology Review*. 1999. Vol. 6. № 2. P. 1–9.
- 13 *Tversky A., Kahneman D.* Rational Choice and the Framing of Decisions // *Tversky A.* Preference, Belief, and Similarity: Selected Writings. Cambridge, 2004. P. 601–602.
- 14 *Ванг Х.Т., Савина Е.А.* Выбор и принятие решения: риск и социальный контекст // *Психол. журн.* 2003. № 5. С. 23–30.
- 15 См.: *Douglas M., Wildavsky A.B.* Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkeley, 1982.
- 16 Общий обзор подхода см.: *Kahan D.M.* Cultural Cognition as a Conception of the Cultural Theory of Risk // *Handbook of Risk Theory* / Ed. by S.Roeser. N.Y., 2012 (Forthcoming).
- 17 *Kahan D.M., Slovic P., Braman D., Gastil J.* Fear and Democracy: A Cultural Evaluation of Sunstein on Risk // *Harvard Law Review*. 2006. Vol. 119. P. 1088.
- 18 *Allhoff F.* Risk, Precaution, and Emerging Technologies // *Studies in Ethics, Law, and Technology*. 2009. Vol. 3. № 2. P. 3–4.
- 19 Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (1992) // URL:<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/836/57/PDF/N9283657>.
- 20 Wingspread Statement on the Precautionary Principle (1998) // URL:<http://archive.greenpeace.org/toxics/reports/gopher-reports/precaut.txt>.
- 21 Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки (17 сентября 2002 г.) // URL: <http://merln.ndu.edu/whitepapers/USNSS-Russian.pdf> (в переводе П.Копченкова).
- 22 *Suskind R.* The One Percent Doctrine: Deep Inside America's Pursuit of Its Enemies since 9/11. N.Y.: Simon and Schuster, 2006. P. 62.
- 23 Сходство концепции упреждающей обороны и принципа предосторожности уже становилось предметом этической рефлексии (см.: *Stern J., Weiner J.B.* Precaution Against Terrorism // *Journal of Risk Research*. 2006. Vol. 9. № 4. P. 393–447; *Sunstein C.R.* Worst-Case Scenarios. Cambridge, 2007. P. 35–37, 123, 136, 154).
- 24 Среди видных оппонентов принципа – американский философ права и руководитель Управления по делам информации и регулирования в администрации Б.Обамы К.Санштайн, утверждающий, что принцип имеет «парализующий характер»: он блокирует любые решения по устранению угроз. Данное обстоятельство, по его мнению, обычно затемнено избирательным отношением к разным типам риска, и это избирательное отношение связано исключительно с иррациональными установками обыденного (неэкспертного) сознания (*Sunstein C.R.* Laws of Fear: Beyond the Precautionary Principle. P. 13–63).
- 25 См.: *Walzer M.* Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations. N.Y., 1977. P. 77–80.
- 26 *Luban D.* Preventive War // *Philosophy and Public Affairs*. 2004. Vol. 32. № 3. P. 207–248; *Dipert R.R.* Preemptive War and the Epistemological Dimension of the Morality of War // *Journal of Military Ethics*. 2006. Vol. 5. № 1. P. 32–54.
- 27 *Luban D.* Preventive War. P. 232–233; *Dipert R.R.* Preemptive War and the Epistemological Dimension of the Morality of War. P. 46.